

12+

ЛИЗАМБЕЕВА ГУЛЬНАЗ

ОТРАЖЕНИЕ

НЕ ТОТ БЛИЗНЕЦ

ПРАВДА ВСЕГДА ОСТАЕТСЯ ПО ТУ СТОРОНУ.

Гульназ Низамбеева

Отражение. Не тот близнец

<https://litres.ru/74153329>

ISBN 9785007018425

Аннотация

Они исчезли без следа.

Школьные автобусы с детьми просто не доехали.

Но одна из них вернулась.

Только это не она.

Школа меняется, зеркала искажают реальность, а отражения начинают жить своей жизнью. Среди них — её сестра. Или то, что выглядит как она.

Чтобы узнать правду, придётся столкнуться с тем, что скрывается по ту сторону.

Потому что иногда самое страшное — это вернуться.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	39
Глава 7	42
Глава 8	45
Глава 9	48
Глава 10	53
Глава 11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Отражение Не тот близнец

Гульназ Низамбеева

© Гульназ Низамбеева, 2026

ISBN 978-5-0070-1842-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

«Если ты видишь то, чего нет — это не всегда болезнь. Иногда это просто ты — первая, кто смотрит правильно.»

Мы родились в один день. В одну минуту. В один крик. Сестра первая. Я — через двадцать секунд. Мама всегда говорила:

— Как будто солнце и луна решили появиться вместе. Только кто из вас кто — так я и не поняла.

Меня называли Элис, её — Лея.

Мы были похожи только снаружи. Как две капли в зеркале — с той разницей, что одна отражает день, а другая ночь.

Нам часто говорили, что близнецы чувствуют друг друга. Но это неправда. Мы чувствовали мир по-разному. Она — как музыка. Я — как эхо.

С самого детства мы были разными. Она — лёгкая, послушная, будто из фарфора. Я — шумная, упрямая, с характером, который мама звала «вулканом». Мне нужно было что-то дикое, живое, неровное.

И всё же между нами была связь, сильнее крови. Не просто близнецовая. Мистика.

Когда я плакала — она просыпалась ночью. Когда ей снился кошмар — я начинала реветь. А в пять лет мы вместе на-

рисовали одинаковый рисунок: дом на холме, в котором не было окон, только двери. Никто не учил нас так рисовать. Никто не знал, откуда мы это взяли. Родители не делили нас на хорошую и странную, на тихую и шумную.

Мама говорила:

— Одна из вас слышит музыку Бога, а вторая — его голос.

Я не знала, что это значит. Тогда ещё нет. Родители любили нас одинаково — и это было по-настоящему. Они в нас верили — даже слишком. Ходили с нами по школам, кружкам, студиям. То мы лепим фигурки из глины, то бегаем по залу в балетках, то держим смычки, даже не зная, что делать с ними.

Родители утверждали:

— Когда найдёте своё, оно само зазвенит внутри. Я не знала, как должно звенеть.

Мне чаще казалось, что внутри у меня... скрежет. Как будто кто-то там скребётся — изнутри, из другой стены.

А у Леи звенело. Музыка в ней не рождалась — она уже была в ней. Она была из тех, кого называют «ангелами».

Когда нам исполнилось семь, мама с папой сказали: — Пришло время выбрать. Только одно. Сестра выбрала балет. А я выбрала рисунок. Странно, правда? Такая дикая — и рисует. Но в этом-то и дело. Я не рисовала цветочки. Я рисовала то, что видела ночью. То, что никто не должен был видеть. Но я видела. И не могла не нарисовать.

Школу нашли родители. Настоящая творческая академия

— как сказка.

Ветхий особняк с витражами. Запах дерева, воска, красок и карандашей. Тихий звон рояля из далёких залов.

И... что-то ещё.

Нечто тонкое, сладкое, странное — как если бы скрипка заплакала.

С первого дня я чувствовала: эта школа живая. Лестницы скрипели не просто так, а будто перекликались.

Окна открывались, даже когда не было ветра. И время здесь двигалось как-то по-своему — один урок длился вечность, другой пролетал за минуту.

— Это дом, где рождаются души, — шепнула однажды нам старая преподавательница музыки.

Здесь не кричали. Здесь творили.

Сестра быстро стала звездой балетного отделения. Лёгкая, как сон. На её выступления приходили целыми семьями. Она летала по зеркальному залу, и даже учителя замирали. А я... Я видела слишком много. Не просто форму.

Сущность.

Я рисовала всё. Учителей. Окна. Утренний чай. И иногда — то, чего ещё не было.

Однажды я нарисовала лестницу, на которой никого не было. На следующий день — один из старшеклассников упал на этом месте. Сломал руку. А я знала. Но никому не сказала. Кто поверит?

Я чувствовала, что мои рисунки как-то... смотрят на ме-

ня. Бывало, я засыпала, а на следующее утро видела, что кто-то дорисовал глаза. Или слёзы. Но все говорили: талант. Ты просто спишь — и продолжаешь творить. Я чувствовала: я вижу что-то, что другие не видят. Иногда мне самой становилось страшно.

Каждый год в нашей школе был выездной лагерь. Говорили, это «для духовного и творческого отдыха», но все знали — это просто ещё один месяц учёбы, только в лесу.

Но в старших классах шептались:

— В прошлом году сгорел один автобус.

— В позапрошлом году перевернулся.

Но об этом никто не говорил громко. Только шептали.

А школа жила дальше.

Я не верила.

До того дня, когда сама не осталась.

В этом году всё было как всегда — пока я не заболела.

Температура. Сильная. Жар.

Удивительно: по одному человеку из каждого класса тоже вдруг слёг.

Кто-то — ученик. Кто-то — учитель.

— Небольшая вспышка, ничего страшного, — говорили врачи.

Я стояла на крыльце с Леей.

Она поправляла лямку на рюкзаке и смотрела в мои глаза.

— Я чувствую, что ты останешься не просто так, — сказала она.

— Ты вернёшься, — ответила я.

— А если нет?

Я сжала её руку.

— Тогда я тебя найду.

Она уехала. Автобусы свернули с аллеи, и вдруг... воздух стал глуше. Птицы затихли. Солнце потускнело. В доме стала звенеть тишина. Не как пустота. Как гул церкви перед похоронами. Слишком много света. Слишком много тишины. Слишком много ничего.

— Показалось, — сказала мама, перекрестясь.

А я... я впервые в жизни не хотела рисовать.

Проходит три часа.

Нет вестей.

Ещё три.

Тишина.

И я впервые поняла, что могу чувствовать пустоту, как другие чувствуют ветер.

Я закрываю глаза — и вижу, как что-то ломается. Не машина. Пространство. Будто шоссе свернулось, как бумага.

Что-то ушло.

И не вернулось.

Нам говорят, что автобусы прибыли в лагерь. Мы выдыхаем.

Но где-то в глубине — не отпускает.

Как если бы кто-то открыл дверь в доме и оставил её открытой. Ты знаешь, что внутри пусто, но сквозняк всё рав-

но холодит кожу.

В ту ночь я долго не могла заснуть. Каждое шуршание казалось шагами, каждая тень — чьим-то лицом. Я закрыла глаза — и увидела, как в зеркале, что стоит в нашей прихожей, дрогнула поверхность.

Как будто там кто-то ждал.

И когда наступило утро, я знала — что-то ушло. Что-то, что нельзя вернуть.

Я поняла это в самый первый момент, когда оказалась в школьной раздевалке. Среди чужих пальто и ветровок, в гуле голосов и звоне замков я вдруг слышала... пустоту. Отсутствие Леи. Сначала — ничего. Лишь едва слышимый шорох, словно кто-то осторожно касался моей памяти с обратной стороны, будто пытаюсь вырвать меня из реальности.

Я стояла перед огромным зеркалом, тяжелым, с потемневшими углами, но не могла заставить себя в него взглянуть. Оно словно дышало, дрожало, хотя в раздевалке было тихо — слишком тихо. Мое отражение смотрело на меня с улыбкой, которая не менялась, даже когда я пыталась улыбнуться в ответ.

Оно улыбалось само по себе.

Я протянула руку, чтобы коснуться стекла, и оно стало мягким, как вода. Это уже не зеркало, а дверь. Но ручки не было. Только холодный отзвук — отдаленный, как пульс под кожей. Звук, не мой.

Где ты?

На перемене я снова слышала эти шёпоты. Они не приходили извне — они рождались внутри меня, как тени, обнимающие сознание. Слова лились не речью, а звуками без мелодии, скорее как предчувствие, а не смысл. Среди них я разобрала фразу: «Не все они настоящие».

Я пыталась рассказать об этом учителю, но его глаза казались пустыми, а тень, которую он отбрасывал, осталась на месте даже когда он уходил. Она шевелилась. Следила.

На уроке литературы нам задали нарисовать свой страх. Мои руки, словно ведомые чужой волей, вычертали коридор — бесконечный и темный. В нём не было ни единого луча света, лишь силуэты, скользящие по стенам. Один из силуэтов протянул мне руку. Я взглянула — это была не моя рука. Это была рука Леи, но пальцы её были слишком длинными, слишком искаженными, чтобы быть человеческими.

В тот вечер я осталась в классе одна, пытаясь закончить очередной рисунок. Открыв окно, я вдохнула холодный воздух, пропитанный запахом жжёной бумаги и сырости. И вдруг — за забором школы, чуть дальше теней фонарей, я увидела черные фигуры. Они не двигались, как каменные статуи, но сердце сжалось — в следующий миг они оказались уже ближе.

Я бросилась бежать, но коридоры, которые я знала всю жизнь, превратились в лабиринт, который вёл не к выходу, а глубже — вглубь меня самой. Эхо моих шагов ударялось о стены, наполненные шепотами и стуками, которых не долж-

но было быть. На одной из досок я заметила мелом написанную фразу: «Забери голос, и ты услышишь правду».

Что это значит? Кто это написал? Почему в моём отражении я уже не была одна?

Когда я вернулась домой, мама сидела у окна, её лицо было знакомым и одновременно чужим, словно пришедшим из другого времени. Она повернулась ко мне и тихо сказала:

— Ты слишком громко думаешь. Он слышит.

— Кто «он»? — спросила я, но ответа не получила.

Лишь протянутый лист бумаги, на котором была я — спящая, а рядом — фигура, похожая на Лию, но с пустыми, чёрными глазами.

Я проснулась в слезах, но под подушкой лежал тот самый рисунок.

Тишина лжёт. Шёпот — говорит правду.

Теперь я знаю, почему никто не слышит Лию. Она слишком глубоко. Но я слышу. И должна идти за ней.

В дверь без ручки.

Глава 2

«Некоторые взгляды оставляют след глубже ножа.»

Проснулась я не от будильника. Не от голосов. Не от света. А от чувства, что кто-то дышит мне в лицо.

Я резко открыла глаза — и увидела потолок. Тусклый, с тонкой трещиной, похожей на линию сердца на старой ладони. Комната была погружена в молочную дымку раннего утра, но воздух внутри будто застрял, стал плотным, вязким, как будто его налили в банку и забыли открыть крышку.

Я повернула голову к окну — и замерла. На запотевшем стекле чётко отпечаталась ладонь. Не моя.

Пальцы слишком длинные, а большой палец странно выгнут в сторону.

Я поднялась, подошла. На секунду показалось, что след ещё тёплый — как будто кто-то стоял там совсем недавно. Я наклонилась ближе, и в глубине стекла, сквозь утренний туман, различила тёмный силуэт у входа в здание. Он не двигался.

Моргнула — и он исчез.

На тумбочке лежал мой альбом. Я не помню, чтобы доставала его вчера, но обложка была открыта, и на чистом листе — рисунок. Я узнала сцену мгновенно: окно моей комнаты, а за ним — я.

Только глаза на рисунке были чуть шире, чем нужно. А рот — едва заметно приоткрыт, будто я собираюсь сказать что-то, но не решаюсь.

Я перевернула лист — пусто. Ни даты, ни карандашных штрихов на обратной стороне. Будто он появился сразу, полностью готовый.

День был неправильным с самого начала. На уроке математики губы учительницы шевелились чуть медленнее, чем должны, а звуки долетали с запозданием — как в фильме, где дорожка звука соскочила. Я поймала себя на том, что считаю, сколько секунд проходит между её движениями и звуком. Пять. Иногда шесть.

В столовой у соседнего стола сидели люди, которых я не помнила. Они ели очень медленно, будто кто-то крутил ручку с плёнкой старого проектора. Один из них поднял голову, посмотрел прямо на меня... и вилка в его руке зависла в воздухе на несколько секунд, прежде чем он снова сделал движение.

К концу дня я оказалась в старом крыле академии. Сюда никто не ходил — цепь на двери ржавая, но один замок был сломан. Створка двери была приоткрыта, словно кто-то ждал меня.

Внутри пахло пылью, старыми досками и чем-то сладковатым, чуть подгнившим. На полу лежали перевернутые парты, на стенах — пожелтевшие детские рисунки. Лица на них были выцветшими, но взгляд... казалось, он следил за мной,

куда бы я ни пошла.

Я замерла у одного. Дверь. Без окон. За ней — темнота. И я знала эту дверь. Мы рисовали её с Леей, когда нам было десять. Но бумага этого рисунка почти рассыпалась от старости, а внизу стояла дата: 1974.

Сумерки подбирались к школе, расползаясь по коридорам. Проходя мимо большого зеркала, я увидела, что моё отражение двигается с задержкой. Я подняла руку — и оно подняло, но на секунду позже. А потом вдруг остановилось.

— Она уже там, — произнесло оно губами, которых я не двигала.

Я отпрянула, чуть не споткнувшись о собственные ноги. Мимо прошла одноклассница, кивнула мне, и зеркало снова стало обычным.

С улицы донёсся странный гул, будто вдалеке проезжал автобус. Я подошла к окну. На стоянке действительно стояли автобусы — длинной цепочкой, все тёмные, все одинаковые. И в каждом, на последнем ряду, у стекла была прижата ладонь. Одна из них — моя.

Я стояла у окна, не в силах отвести взгляд от этих чёрных автобусов. Они казались одинаковыми, но один... крайний слева... почему-то был чуть темнее остальных. Как будто краска на нём впитывала свет.

Я спустилась вниз, чувствуя, как каждое моё движение отзывается глухим стуком в висках. На улице пахло холодом и чем-то металлическим.

Дверь автобуса открылась без скрипа, хотя металл выглядел ржавым и усталым. Внутри было темно, но не так, как в пустом помещении. Это была вязкая, тягучая тьма — будто она не позволяла свету жить. Я сделала шаг, и пол под ногами отозвался глухим эхом. Сиденья были пустыми. Только на последнем, там, где я видела ладонь, что-то лежало.

Подойдя ближе, я заметила: это рисунок. Чёткий, детальный — я в этой же позе, сейчас, с рукой, тянущейся вперёд. Но на моём лице — не мои глаза. Чёрные, как капли чернил. И тогда я поняла: я не слышу улицу. Не слышу ветер. Даже собственное дыхание звучало так, будто я под водой.

— Садись, — прошептал кто-то у самого уха.

Я обернулась — никого.

Но все сиденья, что были пустыми, теперь заняты. Люди сидели неподвижно, лица повернуты ко мне. Лица... мои. С десятками разных выражений — от плача до улыбки.

Я бросилась к выходу, но дверь захлопнулась перед лицом. И в тот же миг все «я» открыли рты одновременно.

Не крик. Не слова. Шум. Гул, в котором были сотни голосов, но каждый говорил моё имя.

И вдруг один из них — тот, что сидел у окна, — поднял руку и приложил ладонь к стеклу. Снаружи, в моём отражении, кто-то сделал то же самое.

Только ладонь в отражении была с длинными, тонкими пальцами.

Я не помню, как выбежала из автобуса. Я просто снова

оказалась в своей комнате, с бешено колотящимся сердцем и вкусом ржавчины во рту. Но на столе лежал новый лист бумаги.

На нём был автобус. Пустой.

И в нём — только я.

Я не успела отдышаться. Казалось, в комнате стало меньше воздуха, как будто кто-то невидимый вдыхал его вместе со мной. В висках звенело, в горле стоял вкус железа.

Я держала рисунок на вытянутой руке — автобус, пустой, внутри я, смотрящая прямо на себя. Бумага казалась теплее, чем должна быть. И вдруг — липкая. Лист прилип к ладони, будто кожа и бумага стали одним.

Я дёрнула. Не оторвалось. Вместо рвущегося картона я услышала тихий хруст, как если бы кто-то сжимал сухие кости прямо у моего уха.

— Убери, — прошептал кто-то за спиной.

Я обернулась. Никого.

Лист наконец упал. Лицом вниз. Сам. Я хотела пнуть его под стол, но взгляд зацепился за неровные, наспех выведенные буквы на обороте: «Не смотри в стекло после полуночи.»

Я не собиралась проверять. Но когда в окне сгустились сумерки, взгляд всё равно тянулся туда, словно внутри меня есть кто-то, кто очень хочет увидеть, что будет. Вместо двора я увидела длинный, узкий коридор. Не как в школе и не как в общежитии. Потолка почти не было видно, стены — влажные, обшарпанные. Пахло сыростью, хотя я была в

своей комнате.

И в самом его конце стоял кто-то. Высокий. Плечи чуть вперёд, голова наклонена, как у человека, который пытается разглядеть что-то вдалеке.

Я моргнула. Он сделал шаг вперёд.

Я шагнула к окну — он повторил. Мы приближались одновременно, шаг за шагом, пока не осталось нескольких шагов.

Я подняла руку. Он поднял свою. Но пальцы у него были не пальцы — длинные, тонкие, будто нарисованные в спешке карандашом. Линии дрожали.

Стук — три раза. Медленно. Изнутри стекла.

В голове голоса, сотни, хором, но шёпотом: «Ты знаешь, где дверь.»

Я отшатнулась, споткнулась о край кровати. Когда подняла глаза, за окном снова был двор.

Я долго лежала в темноте, прислушиваясь. Казалось, дом спит, но в глубине коридора что-то ходит. Шаги — неравномерные, как будто человек хромает сразу на обе ноги.

Щель под дверью заливало тусклым, дрожащим светом, словно кто-то держал старую лампу. И в этом свете на полу была тень. Моя. Только голова у неё была повернута назад.

Она медленно наклонилась и начала... исчезать.

Сначала ноги, потом торс, потом руки, пока от неё не осталась только голова. И эта голова, чужая, изогнутая, лежала в светлом пятне до тех пор, пока свет не погас. Я проснулась

на полу. На ладони был мел. Белый, с обломанным краем. Я не брала его. На доске в пустой аудитории школы теперь было написано: «Дверь уже рядом.»

Я долго смотрела на надпись на доске. Буквы казались выцарапанными изнутри доски чем-то острым, и мел только заполнил эти борозды.

«Дверь уже рядом.»

Но где?

Вечером я решила, что останусь в школе. Спряталась в кабинете рисования, потому что там окна высоко, а свет от фонаря за забором ложился на парты длинными полосами. Эти полосы казались живыми — они медленно ползли, сжимались и растягивались, будто кто-то невидимый наступал на них.

Чем дольше я ждала, тем сильнее понимала — школа меняется. Стены, которые я знала, начинали «плыть», углы становились глубже, чем могли быть. Потолок будто уходил в темноту, и казалось, что из него кто-то смотрит.

Сначала я услышала шаги. Не такие, как раньше — теперь они были ровные, как метроном. Но шаги шли сразу со всех сторон. Я вцепилась в спинку стула и закрыла глаза.

И тогда за спиной раздалось тихое дыхание. Медленное, холодное, слишком близкое.

Я обернулась. Никого. Но на полу, между двумя полосами света, лежала тень... не моя.

Она вытянулась, будто хотела коснуться стены. И там, где

её пальцы коснулись, стена... раскрылась. Как будто слой краски и штукатурки просто расползся, и под ним оказался проём.

Дверь. Без ручки. Узкая, выше человеческого роста. Доски старые, почерневшие, но пахли свежим деревом, как будто их только что срубили.

Я подошла ближе. Воздух стал другим — гуще, тяжелее. Словно сама комната теперь дышала в мою сторону. Из щели между досками тянуло сыростью и чем-то сладким, почти приторным. И вдруг оттуда вырвался тихий, протяжный шёпот:

«Она ждёт...»

Я приложила ладонь к дереву. Оно было тёплым. Слишком тёплым.

И тогда доски дрогнули. Не открылись — а отошли назад, как если бы я смотрела сквозь воду.

За дверью был коридор. Не школьный. Пол — черно-белые плитки, как на старых вокзалах. Потолка не видно. Стены уходили в темноту, но вдалеке — свет, колышущийся, будто от огня.

Я сделала шаг внутрь.

Первое, что я услышала — как дверь за моей спиной закрывается. Второе — что она исчезает. Третье — смех. Детский. Но он был над мной. Где-то высоко, где потолка не должно было быть. А потом я поняла, что свет впереди двигается. И он идёт ко мне.

Я стояла в этом коридоре, и свет впереди становился всё ярче. Но чем ближе он подходил, тем меньше он был похож на свет.

Это была лампа... нет, фонарь. Древний, на кованой ручке, и держала его... девочка.

Сначала я подумала, что это Лея. Рост, осанка, волосы — всё было как у неё.

Но потом она подняла голову.

Глаза были пустыми, не тёмными, не светлыми — просто пустыми, как вырезанные. И изнутри этих пустот шёл тот самый свет.

— Ты пришла, — сказала она, и её голос был... моим.

Я отступила, и звук моих шагов отозвался эхом, слишком долгим, как будто коридор тянулся дальше, чем я видела.

— Лея? — спросила я, хотя знала, что это не она. Девочка наклонила голову набок, и я услышала сухой треск, будто дерево ломали под тяжестью. Потом она улыбнулась. Улыбка была широкой, как будто кто-то потянул за её щёки изнутри.

— Здесь ты будешь слышать всё. Даже то, что нельзя, — сказала она. — Но тебе нельзя возвращаться.

Я хотела спросить «почему», но не успела. Из-за её спины вышли другие.

Тени. Высокие, тонкие, лица... нет, их не было. Вместо лиц у них были зеркала, и в каждом я видела себя. Но в каждой — немного другую: где-то с пустыми глазами, где-то с вырезанным ртом, где-то с лицом Леи.

Я отступала, пока спиной не упёрлась во что-то твёрдое. Дверь. Только теперь она имела ручку.

Я схватилась за неё, но она была ледяной, и пальцы не слушались.

— Ты знаешь, что он уже здесь, — сказала девочка. — Он всегда был здесь. Даже в твоих снах. Особенно в них.

Её голос вдруг стал мужским, низким, чужим. Я почувствовала, как пол под ногами дрожит, как если бы кто-то огромный двигался где-то внизу. В этот момент из дальнего конца коридора раздалось... что-то.

Не крик. И не стон. Это был звук, будто кто-то разрывал ткань, только ткань была из камня.

Тени резко замерли, а девочка — если это была девочка — погасла изнутри. Лампа в её руках погасла тоже.

И тогда в темноте я услышала своё имя. Тихо. Протяжно. Так, как его не говорил никто.

Глава 3

«Иногда дом говорит шёпотом. Но он всегда помнит, кто к нему приходил.»

Имя вернулось, как вода, что затекла в трещину и вдруг наполнила весь дом. Оно было не просто словом — это было давление, которое давало знать о себе в зубах, в ладонях, в самом черепе. Я слышала его не снаружи; оно вошло из глубины, из-под пола, из-под кожи. Оно лежало на мне, как мокрое одеяло.

— ... (мое имя)...

Я почувствовала, как дыхание неожиданно остановилось. Ногти вросли в ладони — не мои, чужие, но мои руки отвечали на боль. В темноте что-то шевельнулось: не звук, а движение воздуха, будто кто-то перевёл страницу в книге, которую я не читала, но знала наизусть.

За моей спиной дверь, за ручку которой я не могла ухватиться, дрогнула, как если бы кто-то постучал, но стук не пришёл сверху — он пришёл изнутри, оттуда, где никогда не стучат люди. Я повернулась, потому что не сделала другого выбора: назад вести было некуда.

Вдруг мир распался на мелкие вспышки света — не электрический, а старинный, как от свечи, но со звуком шуршащей бумаги. Где-то далеко, словно за миллионами слоёв сте-

ны, кто-то шептал имя ещё раз, теперь ближе. Я смогла разобрать его в своей голове без ушей: интонация — та самая, которую иногда слышишь во сне и представляешь, что это твоя мать, а потом понимаешь — нет, это не мама, это что-то, что скользит между её словами. Эту интонацию я знала — она была знакома и запретна.

Я подошла к дверной щели. Ладони дрожали. В щели было темнее, чем вокруг. Темнота выглядела как ткань, сложенная в несколько слоёв; она прогибалась, будто её тянули изнутри. Из щели вылез небольшой клубок света — как глаз, который открылся, чтобы посмотреть. Он не смотрел на меня; он смотрел сквозь меня, и я невольно отстранилась.

— Он зовёт, — произнесла тёплая тишина рядом. Голос был рядом, но не от девочки и не от теней; голос казался именем, которое мы не произносили вслух у себя дома.

— Кто? — спросила я тихо, потому что остальные слова не шли.

Тишина ответила прикосновением: памятью об автобусе, о дороге, о шпильках Леи, о том, как она улыбнулась и забыла сказать «я люблю тебя» в тот самый момент, когда потянула рюкзак на плечо. Стало вдруг ясно: эти вещи — нитки. Нити, за которые можно тянуть.

Сделать шаг через дверь означало — согласиться, что нити протянуты сквозь меня. Я закрыла глаза и увидела — в темноте, как кадры на прослойке плёнки — образы автобусов: металл, скрежет, горящие лампы, потом ледяной лес, где

шоссе исчезло, как будто растворилось. Я увидела лица детей, свет, который не был светом, и тот самый хлопок тишины, что наступал после.

Я открыла глаза и поняла: девочка с фонарём не обманула, когда сказала «тебе нельзя возвращаться». Это не значит «не уходи» — это значит «если уйдёшь, путь назад будет другим». И ещё: если я хочу вернуть, то мне придётся отдать. Всегда так.

Тени у её спины повернулись, и в каждом зеркале, что было у них вместо лица, беглым движением вспыхнуло моё отражение. Но одно отражение посмотрело не на меня, а на пустоту за мною, и в нём я увидела Лею — не ту, что уходила на автобусе, а ту, что стояла, но не могла произнести слово. Она улыбалась, и в улыбке было что-то прощальное, как на открытке, написанной перед поездкой. Я почувствовала, как сердце сжалось до немоты.

— Ты слышала их? — спросил голос прямо у уха, и я поняла, что он исходил не из щели, и не из тени, и не из зеркал. Он исходил из того, что было во мне и не принадлежало мне.

— Слышала, — ответила я, и ответ дрогнул, словно струна.

Я шагнула. Маленький шаг. Доски под ногами не гнули, они принимали вес и пели, каким-то низким звуком. Коридор сделал вдох. Свет в щели разлёгся. На самой дверной раме появились буквы; не мелом, а как будто вырезанные пальцами: НАРИСУЙ.

Мел лежал у меня в кармане — тот самый, что я не брала, но который оказался в моей ладони в ту ночь, когда тень на полу начала исчезать. Я вынула его, и пальцы сразу узнали форму. Белая крошка хрумкнула. Я думала о том, как давно рисование было для меня способом разговора. Как линии — это язык. Как штрих — это молитва.

Вдруг я поняла механизм: они здесь — потому что я рисовала их. Не только видела — но рисовала. Мои рисунки были дверью и ключом одновременно. И если рисунок мог вызвать, то рисунок мог и вернуть. Но вернёт ли он живых? Или — как девочка сказала — станет тем, кто «нарисован»?

Я присела на корточки и начала чертить прямо на пороге. Не картинку, не лестницу, а контур — круг, и в круге маленький дом, и в доме — дверь. Рука дрожала, и линии шли неровно, но в этом дрожании было решение. Я положила мел ближе к щели, и белая полоска впитала тьму, как губка. Словно сама дверь жаждала быть отмеченной.

— Кто ты мне? — спросила я шёпотом, и это был вопрос к тем, кто смотрел из зеркал. Ответ пришёл не словами, а ощущением: я — то дыхание, через которое они протянулись. Они — голос, что просит вернуться. Но голос просил не по-кротости. Он просил по праву.

Снаружи, далеко за тем, где была школа, кто-то заговорил в мегафон. Город делал свои будничные звуки. Ночь продолжала жить, не зная, что внутри старых стен кто-то пишет мелом на плахе судьбы.

Я подняла голову. Тени не приближались. Они ждали. Как и я.

И тогда я услышала слабый смех — детский, обнажённый, совсем рядом. Он был смешан с металлическим звоном, как кольца на цепях. Я взяла мел обеими руками и провела линию через круг.

Линия прорезала тьму, как нож. И в этот раз голос произнёс моё имя не шёпотом, а так, будто кто-то наконец сказал слово, которое было потеряно: полно и настоящим.

— (моё имя), — сказал он. — Рисуй.

Я вдохнула, и слово вошло в меня как вода. Моя рука двинулась дальше.

Мел треснул в моих пальцах. Я провела последнюю черту — и в тот миг воздух стал густым, как вода. Всё вокруг будто застыло, даже дыхание. Коридор замер. Только белая линия продолжала светиться, пульсируя, как живая.

В свете круга начало проявляться лицо. Сначала — будто отражение в стекле, потом — как будто кто-то медленно проступает из другого слоя. Волосы, глаза... губы. Это была Лея. Она стояла внутри круга, точно в нарисованном доме, и смотрела на меня. Лицо было немного не таким, каким я помнила: слишком симметричным, слишком гладким, будто пририсованным с натуры, но без дыхания.

— Лея? — выдохнула я.

Она моргнула. И этот миг — моргнула — был как удар током. Словно её глаза зацепили мою реальность, как крючок

ткань. Я потянулась к ней, но пальцы наткнулись на невидимую стену. Линия круга вспыхнула — мягко, как предупреждение.

— Ты ведь хотела, чтобы я вернулась, — сказала она. Голос звучал глухо, будто сквозь толщу стекла или воды.

— Да...

— Тогда не стирай линию.

Я почувствовала, как по спине прошёл холод. Что-то в её тоне было неправильным. Не угрожающим — слишком спокойным, как у человека, который уже всё знает.

Сзади снова зашевелились тени. Они двигались теперь иначе — с облегчением. Будто кто-то выполнил их просьбу. Я поняла, что они больше не смотрят на меня — их зеркальные лица повернулись к кругу, к Лее. И в зеркалах начало отражаться только она.

Я медленно поднялась. Мел ещё лежал у моих ног. Он треснул на две половинки, и каждая светилась по-своему.

— Лея... ты настоящая?

Она улыбнулась — знакомо, как тогда, перед дорогой. Только улыбка не коснулась глаз.

— А разве это важно? — тихо сказала она. — Главное, что теперь мы не одни.

Пол под моими ногами будто качнулся, как палуба корабля. Где-то внизу снова зашумела вода — или что-то похожее на неё. В коридоре запахло озоном и пеплом, как после грозы.

Я вдруг заметила — на стенах, где раньше был лишь серый камень, теперь проступали рисунки. Детские, кривые, но узнаваемые: лица, дома, деревья, солнце. И каждое изображение дышало. Тихо, почти незаметно, но я слышала — как будто под бумагой живут голоса. Мой круг — был не первым.

Я медленно опустила взгляд на Лею. Она теперь стояла ближе, чем прежде, прямо у края линии.

— Не стирай, — повторила она. — Иначе я уйду.

Слова зазвенели, как стекло. И в этот момент я поняла: если она уйдёт — уйдёт не только она. Что-то из меня останется с ней. Что-то уже ушло.

Я не стирала. Я просто села рядом с линией и смотрела, как белый свет постепенно угасает, превращаясь в тонкую, еле видимую границу. Лея стояла всё так же, неподвижно, и смотрела на меня. И когда свет окончательно потух, я поняла — глаза у неё теперь светятся изнутри. Тем же светом, что горел в пустых глазницах той девочки с фонарём.

Тогда я впервые поняла, что возвращение — это не всегда про жизнь. Иногда — просто про то, чтобы кто-то остался снаружи, а кто-то — внутри.

Я закрыла глаза и услышала шёпот. Он сказал:

— Хорошо нарисовано.

Глава 4

«Иногда мир остаётся прежним. Меняешься ты — и этого достаточно.»

Я проснулась от звука звонка. Не резкого, а глухого, будто его били через толщу воды. Я лежала на парте, уткнувшись щекой в холодное дерево, и первое, что почувствовала — мел на губах. Горький, сухой вкус.

Класс был пуст. Но не пустой пустотой — а так, как бывает ранним утром, когда кто-то только что вышел и воздух ещё хранит тепло чужих тел. Стулья стояли неровно, на доске остались слова, написанные чужим почерком, но я не могла их прочесть — буквы словно ускользали, если на них долго смотреть.

Я села. Сердце билось спокойно. Слишком спокойно для человека, который должен был испугаться.

— Это сон, — сказала я вслух.

Голос прозвучал правильно. Даже эхо было обычным. Но когда я посмотрела на свои руки, поняла — что-то не так.

На пальцах остались следы мела. Не грязь — а линии. Тонкие, белёсые, как если бы кто-то аккуратно обводил мои пальцы, прежде чем стереть.

Я вышла в коридор.

Школа жила. Я слышала шаги, смех, обрывки разговоров.

Двери классов были приоткрыты, и в каждом происходило что-то знакомое: урок музыки, репетиция, занятия. Всё — как раньше. Только одно не сходилось.

Звуки не совпадали с движениями.

Пианистка нажимала клавиши — и тишина. Балетный класс двигался в идеальном ритме — без скрипа пола, без дыхания. Учитель что-то говорил, но его рот запаздывал за словами.

Я шла медленно, стараясь не привлекать внимания. И тогда заметила: не все меня видят.

Одна девочка прошла сквозь меня, как через холодный воздух, даже не моргнув. Другая — подняла голову и улыбнулась.

— Ты вернулась, — сказала она, как будто мы расстались вчера.

— Откуда? — спросила я.

Она нахмурилась, будто я задала глупый вопрос.

— Оттуда же, откуда все.

Я дошла до зеркального зала.

Дверь была закрыта. Раньше — никогда. Я толкнула её, и она поддалась с мягким, липким звуком, будто отрываешь лист от стекла.

В зале занимались. Балерины двигались плавно, точно тени на стене. И — да — в зеркалах их не было.

Зато была я.

Слишком чёткая. Слишком настоящая.

Я подошла ближе. Моё отражение повторяло движения, но с микроскопической задержкой. Доля секунды — и этого хватило, чтобы мне стало холодно.

— Ты хорошо справилась, — сказала отражение.

Губы у него двигались иначе, чем у меня.

— С чем? — прошептала я.

Отражение улыбнулось.

— Теперь они могут оставаться.

— А я?

— А ты... — оно наклонило голову. — Ты стала связью.

Я отшатнулась, и зеркало дрогнуло, пошло рябью, как вода. На мгновение вместо себя я увидела рисунок. Чёрно-белый. Линии были уверенные. Почти профессиональные. И подпись в углу: моё имя.

Звонок прозвенел снова. На этот раз — прямо у меня в голове.

Когда я вышла из зала, школа уже была другой. Теплее. Светлее. Люди улыбались. Кто-то махнул мне рукой. И в этом было самое страшное: всё выглядело так, будто так и должно быть.

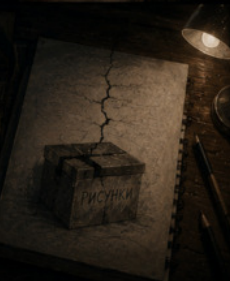
Я шла к выходу и вдруг поняла — я больше не помню, как выглядела школа до этого. Словно прошлое стёрли аккуратно, не до дыр — чтобы не бросалось в глаза.

На пороге я обернулась.

В дверном стекле на секунду мелькнула Лея. Она стояла по ту сторону, в глубине коридора, и не шевелилась. Только

смотрела.

Я вышла. А школа закрыла за мной дверь сама.

Глава 5

«Некоторые вещи случаются дважды. Сначала — на бумаге. Потом — с людьми.»

Мама первой заметила, что со мной что-то не так.

Не сразу. Сначала — мелочи. Я перестала оставлять свет включённым. Перестала закрывать двери до конца. Перестала спрашивать, который час, хотя раньше постоянно смотрела на часы, будто боялась опоздать в собственную жизнь.

— Ты будто знаешь, — сказала она однажды за ужином.

— Знаю что?

Она пожала плечами.

— Когда всё закончится.

Я улыбнулась. Слишком спокойно. И эта улыбка её напугала.

Отец начал молиться громче. Не показательно — а так, как молятся люди, которые чувствуют, что их больше не слышат. Он читал молитвы надо мной, когда думал, что я сплю. Его голос дрожал, и иногда он сбивался, как будто слова ускользали.

А я не спала. Я рисовала.

Бумага теперь вела себя иначе. Она больше не сопротивлялась. Линии ложились сами — уверенно, точно я просто вспоминала то, что уже видела. Иногда я даже не смотрела

на лист. Рука знала.

Первый рисунок появился ночью.

Я проснулась и поняла, что должна встать. Не потому что хотела — потому что нужно. На кухне было темно, но я не включала свет. Я знала, где лежит карандаш. Где — чистый лист.

Я нарисовала стакан. Обычный. С тонкой трещиной сбоку.

Утром мама уронила стакан. Он не разбился. Трещина пошла ровно там, где я её нарисовала.

Я ничего не сказала.

Второй рисунок был хуже.

Это был папа. Со спины. Он стоял у окна. За стеклом — дождь. Я долго не могла нарисовать его лицо. Будто его не должно было быть видно. В углу листа я машинально вывела дату.

Через два дня папу увезли в больницу. Ничего серьёзного — так сказали врачи. Просто сердце. Просто возраст. Просто устал.

Я смотрела на рисунок и понимала: он стал прошлым.

Я начала прятать листы. Под кроватью. В старых коробках. Между книгами. Но мама находила их.

— Ты это видела? — спросила она, держа рисунок дрожащими пальцами.

Это была она сама. С закрытыми глазами. Лёгкая тень на шее — как от верёвки, как от шарфа, как от чужой руки.

— Это просто фантазия, — сказала я.

— Ты никогда так не рисовала, — ответила она.

И тогда я поняла: они боятся не рисунков. Они боятся того, как я на них смотрю.

В школе стало хуже.

Некоторые учителя начали избегать меня. Другие — наоборот — слишком долго задерживали взгляд, будто ждали, что я скажу что-то важное. Однажды преподаватель по композиции попросил показать мой альбом.

Он листал его молча. Слишком долго.

— Это... фиксация, — сказал он наконец. — Ты не придумываешь. Ты будто... запоминаешь.

— Что?

Он закрыл альбом.

— То, что не должно быть забыто.

В тот же день исчезла девочка из младших классов. Никто не поднял тревогу. Сказали — перевелась. Я вечером нашла рисунок. Я его не помнила. Она стояла в углу класса. Без лица.

Родители больше не оставляли меня одну.

Мама убрала карандаши. Отец спрятал альбомы.

Но ночью я всё равно рисовала. Угольком. Ногтем. Осколком графита, найденным на улице.

Потому что если я не рисую, события всё равно случаются.

Просто тогда я не знаю, что именно.

Перед сном я слышала шёпот. Не в комнате — внутри. Он был знакомый. Школьный.

Ты записываешь нас правильно. Пока ты рисуешь — мы остаёмся.

Я закрыла глаза. И впервые испугалась не того, что вижу. А того, что будет, если я перестану.

Глава 6

«Когда тебе говорят, что с тобой всё в порядке — это значит, что они уже испугались.»

Мама сказала об этом за завтраком.

— Мы поедем поговорить с одним человеком, — произнесла она, не поднимая глаз от чашки. Голос был ровный, слишком ровный.

Отец кивнул, будто решение давно принято и обсуждению не подлежит.

— Он... помогает, — добавила мама после паузы. — В сложных случаях.

Я сразу поняла, о ком речь. В нашем городе к таким людям шли, когда врачи разводили руками, а слова «подростковый возраст» переставали работать.

— Священник? — спросила я.

Мама вздрогнула. Отец сжал ложку так сильно, что она звякнула о тарелку.

— Просто человек, который знает, как разговаривать с... — она замялась, — с тем, что пугает.

Меня не пугало. Пугало их.

Мы ехали молча. Машина пахла пылью и ладаном — мама зачем-то взяла маленький мешочек и держала его в руках, будто талисман.

Церковь была старой. Не красивой — усталой. Камень потемнел, ступени стерты, как будто по ним ходили не ногами, а временем.

Священник оказался моложе, чем я ожидала. Усталые глаза. Слишком внимательные.

Он долго смотрел на меня, прежде чем заговорить.

— Ты рисуешь, — сказал он. Не вопрос.

Я кивнула.

— И видишь больше, чем должна.

Мама резко вдохнула. Отец отвернулся.

— Это не всегда зло, — продолжил он. — Но почти всегда — вход.

— Для кого? — спросила я.

Он не ответил сразу. Вместо этого положил передо мной лист бумаги и карандаш.

— Нарисуй что-нибудь. Любое.

Я не хотела. Руки дрожали. Но карандаш был тёплым — почти знакомым.

Я нарисовала дом. Не наш. Без окон. С дверью.

Когда он увидел рисунок, его лицо изменилось.

— Ты не должна больше этого делать, — сказал он тихо.

— Ни при каких условиях.

— Почему?

Он посмотрел на родителей.

— Потому что некоторые вещи не смотрят. Они отвечают.

Он встал, подошёл ближе, положил руку мне на лоб. Паль-

цы холодные, как камень.

Он начал читать молитву. Слова были правильные, знакомые — я слышала их раньше.

Но между строк... что-то шевелилось.

Я услышала шёпот. Не голос. Скорее — скрежет, как карандаш по слишком твёрдой поверхности.

— Не его словами, — прозвучало внутри меня. — Он не знает, что говорит.

Я резко отдёрнула голову.

Священник побледнел.

— Ты слышишь, — сказал он. Уже не уверенно. — Это плохо.

— Нет, — ответила я. — Плохо — когда не слышат.

Мы уехали быстро. Мама плакала. Отец молчал.

Дома они спрятали все мои рисунки. Закрыли их в коробке и унесли на чердак.

Ночью я проснулась от знакомого ощущения — как будто кто-то водит линию по коже изнутри.

Я встала, подошла к столу.

Там лежал новый рисунок.

Коробка. Чердак. И трещина в потолке — как линия.

Я поняла: они могут закрывать двери. Но линии — нет.

Глава 7

«Иногда, чтобы сохранить голос, нужно отдать всё, что умеет кричать.»

После церкви в доме стало тише. Не спокойнее — именно тише. Как бывает в комнате, где вынесли мебель, но забыли сказать, зачем.

Родители старались быть обычными. Мама спрашивала, поела ли я. Отец включал телевизор громче, чем нужно, будто звук мог что-то заглушить.

Но я знала: они слушают. Не меня — паузы между мной.

Мне запретили рисовать. Официально. Слова были мягкие, но в них не было выбора.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказала мама. — Это временно.

Временно — это когда знаешь, что будет потом. Здесь «потом» не существовало.

Я пыталась подчиниться. Правда.

Я убрала альбомы, вымыла кисти, спрятала карандаши в ящик, который не открывала. Руки дрожали, как у человека, которого отучают от привычки, о которой он не знал, что она зависимость.

В первую ночь без рисунков я не спала. Голова была переполнена образами, как переполненный чердак. Стоило за-

крыть глаза — и линии сами складывались, без бумаги.

На третью ночь началось.

Сначала — мелочи. Я слышала, как трещит лампочка за секунду до того, как она перегорала. Знала, что телефон звонит, за мгновение до звука. Обернулась — и поймала взгляд отца ровно в тот момент, когда он собирался посмотреть на меня.

Это не пугало. Пугало, что я привыкала.

А потом я заметила, что тишина стала... требовательной. Она не просто была. Она ждала.

В школе всё было иначе. Учителя смотрели на меня чуть дольше, чем нужно. Одноклассники отворачивались, будто не хотели встречаться взглядом.

Я увидела это первой у зеркала в коридоре.

Моё отражение... опаздывало. Совсем немного. Но достаточно, чтобы я это заметила. Я подняла руку. Отражение повторило движение с задержкой — словно решало, стоит ли.

В тот день в школе стало плохо девочке из младшего класса. Её увезли на скорой. Я знала это ещё до звонка.

Дома я не выдержала.

Я открыла ящик. Достала карандаш. Он был холодным. Обиженным. Я села за стол и провела первую линию. И в этот момент в доме что-то выдохнуло. Я рисовала быстро. Не думая. Руки знали, куда идти. Это была наша кухня. Стол. Стул. И папа, стоящий слишком близко к краю лестницы.

Я уронила карандаш. Снизу раздался звук. Глухой.

Мама закричала.

Всё обошлось. Ушиб. Ничего страшного, сказали врачи. Но я смотрела на рисунок и понимала: я не предсказала. Я зафиксировала.

В ту ночь я снова слышала шёпот. Он не просил. Он не угрожал. Он просто сказал:

— Теперь ты понимаешь.

Я закрыла глаза. И впервые в жизни подумала: а если молчание — тоже выбор?

Глава 8

«Есть вещи, которые возвращаются. И есть те, что приходят вместо.»

Я начала забывать лица. Не сразу. Сначала — мелкие несоответствия. Мама будто меняла форму носа, когда я отводила взгляд. Отец иногда улыбался не тем ртом — слишком широко, будто улыбка была взята взаймы. Я моргала — и всё становилось на место. Почти всегда.

Сон тоже стал другим. Я не засыпала — я проваливалась. Без снов. Без границы.

Иногда я просыпалась с ощущением, что меня не было несколько часов. Не спала — отсутствовала. Как будто кто-то аккуратно вынул меня из мира, а потом поставил обратно, не совсем в то же место.

Я перестала чувствовать холод. И тепло тоже. Зато начала чувствовать пространство. Оно тянулось, сжималось, дышало. Коридоры школы стали длиннее, чем могли быть. Комнаты дома — глубже.

А потом я снова слышала Лею. Не голос. Шаг.

Он возникал там, где её быть не могло: за закрытой дверью ванной, в конце лестницы, по ту сторону стены.

Я не оборачивалась. Я знала: если обернусь — что-то изменится окончательно.

Впервые я увидела её в стекле духовки.

Не отражение — наложение.

Её профиль совпадал с моим, но был чуть смещён. Глаза смотрели не на меня, а сквозь.

— Ты слишком долго одна, — сказала она.

Губы у неё не шевелились.

— Ты не настоящая, — прошептала я.

Она улыбнулась.

— Это ты стала удобной.

В школе начали происходить странные ситуации. Мальчик из параллельного класса упал с лестницы — я нарисовала ступени за день до этого. У учительницы музыки пропал голос — на моём листе её рот был заштрихован.

Я больше не рисовала людей полностью. Руки — отдельно. Глаза — отдельно. Тени — без тел.

Рисунки больше не появлялись внезапно. Они требовали.

Если я сопротивлялась — начиналась боль. Не физическая. Будто кто-то тянул изнутри за нитку, к которой привязаны мысли.

Однажды я не узнала себя в зеркале. Я знала, что это я. Но не могла вспомнить — почему. Лицо было правильным. Но пустым. Как комната, из которой вынесли всё важное. И тогда в отражении появилась Лея. Полностью. Живая. Настоящая.

— Я держу для тебя место, — сказала она. — Здесь легче.

— Где «здесь»?

Она коснулась стекла.

— Там, где не нужно выбирать.

Я отшатнулась, и зеркало пошло трещинами. Но не разбилось.

В ту ночь я проснулась от того, что не чувствовала своё имя. Я знала, как меня зовут. Но имя не отзывалось. Как будто оно принадлежало кому-то другому. Я села за стол. Достала чистый лист. Руки дрожали. Я нарисовала дверь. Не ту, что раньше. Эта была шире. Глубже. И по обе стороны от неё — две фигуры. Одна — я. Вторая — Лея. Но кто из нас стоит внутри, а кто — снаружи, я так и не поняла. Шёпот был совсем рядом.

— Ты уже платишь, — сказал он. — Осталось решить, чем.

Я закрыла глаза.

И впервые подумала: если я перестану быть собой — кто тогда останется вместо меня?

Глава 9

«Некоторые сделки совершаются ещё до того, как ты понял, что согласился.»

Я заметила это утром. В комнате было... по-другому. Не холоднее. Не теплее. Просто не моя. Стул стоял чуть ближе к столу, чем я помнила. Штора была задвинута ровнее. Даже свет падал иначе — аккуратнее, как в комнате, где кто-то уже пожил и ушёл, не прощаясь. На подоконнике лежала балетная лента. Белая. Слегка потёртая. Я не приносила её сюда. Я взяла ленту в руки — и в голове вспыхнуло движение. Не мысль. Импульс. Поворот. Подъём на носки. Равновесие.

Тело откликнулось, будто всегда это умело. Я отшатнулась от себя. На кухне мама смотрела на меня внимательнее обычного.

— Ты... похудела? — спросила она. — Или мне кажется?

Я пожала плечами. Голос внутри меня хотел ответить иначе. Мягче. Спокойнее. Я не дала ему.

В школе всё стало слишком... правильным.

Зеркальный зал был пуст. Но пол блестел, как после тренировки. В воздухе пахло потом и пылью — свежей, настоящей.

Я прошла внутрь.

И увидела это.

На полу — мокрые следы. Босые. Узкие. Они вели к зеркалу.

Я не пошла за ними. Я знала, куда они ведут.

В зеркале стояла Лея.

Не полностью. Сначала — её плечо. Потом — рука. Потом лицо.

Она не смотрела на меня. Она танцевала. Медленно. Точно. Без музыки. Каждое движение было мне знакомо, как если бы я видела его тысячу раз. Тело в зеркале знало, куда идти дальше.

Я подняла руку. И поняла, что повторяю. Наши движения совпали. Не отражение. Синхрон. Она шагнула вперёд. Я — тоже. И на мгновение мне стало легко. По-настоящему. Ни шума. Ни шёпота. Ни боли. Только ясность.

Когда я остановилась, зеркало было пустым. Зато на моих стопах остались следы. Мокрые. Босые. В тот день я не рисовала. И это было... правильно. Зато ночью я проснулась в чужой позе. Тело лежало вытянуто, напряжённо, будто ждало команды.

Я попыталась вспомнить лицо Леи — и не смогла. Имя было. Образ — нет.

Под утро я нашла рисунок на столе. Я не помнила, как рисовала его. На листе были две комнаты. Одинаковые. Разделённые стеклом. В одной — девочка с карандашом. В другой — девочка на пуантах. Между ними — лента. Перекрученная. Как узел.

Я перевернула лист. Там была подпись. Чужим почерком. Ровным.

«Теперь ты держишь равновесие. Я — остальное.»

Я села на край кровати и поняла: шёпот молчит. И это — самое страшное. Я проснулась от судороги. Нога дёрнулась сама по себе, резко, будто кто-то потянул за невидимую нить. Боль пришла не сразу — сначала было ощущение пустоты, а потом резкий, тупой удар изнутри, словно кость вспомнила, что она живая.

Я села на кровати и поняла: это не моя боль.

Мышцы горели так, как горят после часов повторений. Не усталость — перетренированность. Тело знало, что с ним делали, а я — нет.

Я попыталась встать. Ступни коснулись пола — и мир перекосялся. Баланс был другим. Центр тяжести сместился, как если бы внутри меня что-то аккуратно переставили.

Я упала на колени. Не громко. Даже не испугавшись.

Просто — правильно упала. Так падают те, кого учат не ломаться.

На кухне мама резко обернулась.

— Ты в порядке? — слишком быстро спросила она.

Я кивнула, хотя колени дрожали. Взгляд мамы скользнул ниже, задержался на моих ногах. На щиколотках проступали синеватые пятна — старые, глубокие, как будто им было уже несколько дней.

— Ты ударилась?

— Нет.

Я сказала правду. Просто не всю.

В школе стало хуже. Лестница, по которой я ходила годами, вдруг оказалась чужой. Шаги выходили короче, точнее. Я не шла — двигалась, как по разметке.

В зеркальном зале я остановилась. Пол был холодный. Я сняла обувь. Тело само потянулось вверх. На носки. Без команды. Без решения. И в этот момент что-то хрустнуло. Тихо. Внутри.

Боль была мгновенной и острой, как вспышка света. Я рухнула, хватаясь за лодыжку, и впервые за долгое время закричала.

Когда я подняла взгляд, зеркало было запотевшим. Но на нём остался отпечаток ладони. Не моей. Меня отвели в медкабинет. Врач долго молчал, щупая ногу.

— Странно, — сказал он наконец. — Такое бывает у... профессионалов. При постоянной нагрузке.

— Я не танцую, — ответила я.

Он посмотрел на меня. Потом — на мои стопы.

— Тело с вами не согласно, — сказал он тихо.

Вечером я не могла рисовать. Рука дрожала. Карандаш казался тяжёлым, будто я держала не графит, а что-то живое, сопротивляющееся. Когда линия всё-таки легла на бумагу, я сразу поняла — это не мой рисунок. Это была нога. Ступня. С искривлёнными пальцами. С трещиной, идущей по кости, как молния.

Я уронила лист. Из зеркала на меня смотрела Лея. Не целиком. Только её ноги. Они стояли ровно. Без боли.

Я вдруг поняла: что-то во мне взяло удар за неё.

И если так будет продолжаться — в какой-то момент мне нечем будет рисовать. И нечем быть.

Глава 10

«Если тело платит первым, значит, договор уже заключён.»

Боль не ушла утром. Она изменилась. Вчера она была острой, как стекло. Сегодня — плотной, тяжёлой, будто внутри меня положили камень и забыли вынуть. Я могла ходить, но каждый шаг был выверенным, осторожным, слишком правильным.

Мама заметила это сразу.

— Ты прихрамываешь.

— Нет, — ответила я автоматически.

Она подошла ближе, присела и коснулась моей ноги. Я вздрогнула раньше, чем она дотронулась.

— Ты знала, что я коснусь, — сказала она.

Это прозвучало не как вопрос.

Я молчала.

В школе мир стал... чётче.

Я начала замечать вещи, которые раньше проходили мимо: где доска пола прогибается, где ступенька чуть выше, где в коридоре всегда холоднее. Тело заранее подсказывало, куда ставить ногу и как повернуть плечо.

На физкультуре я поймала мяч, даже не глядя.

Он просто оказался в ладонях.

Ребята засмеялись. Учитель поднял брови.

— Ты раньше так не умела.

Я пожалала плечами. Это было правдой.

Хуже всего стало в зале с зеркалами.

Я старалась не смотреть, но отражение ловило меня само.

Когда я двигалась, оно слегка запаздывало — долю секунды, не больше. Но достаточно, чтобы понять: я вижу будущее движения. Не выбор. Результат.

Я подняла руку — и в зеркале она поднялась раньше.

Я отшатнулась. Нога прострелила болью, но вместе с ней пришло понимание: если бы я не отшатнулась, упала бы. Не сейчас — через два шага.

Тело знало.

Вечером я снова взяла карандаш.

Рука была уверенной. Слишком.

Линии ложились быстро, точно, без поисков. Я не думала, что рисую — я фиксировала.

На листе появилась лестница. Школьная. Та самая, где скользко после уборки. На третьей ступени — тень. Человек падает, неловко выворачивая ногу.

Я закрыла тетрадь.

На следующий день на этой лестнице упала девочка из параллельного класса. Перелом. Тот же угол.

Я стояла в стороне и чувствовала, как нога внутри меня отзывается тупым эхом, будто приняла часть удара.

Лея пришла ночью. Не во сне. Не в зеркале. Просто —

ощущением. Боль в ноге усилилась, а вместе с ней пришло тепло. Почти благодарность.

— Ты справляешься, — не словами. — Давлением изнутри.

Я сжала зубы.

— Ты берёшь больше, чем договаривались, — прошептала я.

Ответа не было. Но боль стала тише. Вместо неё появилось другое чувство: устойчивость. Как будто меня прибили к полу. Как будто теперь я — опора.

Я поняла: обмен больше не односторонний.

Я получаю видение. Она — целое тело. И если я остановлюсь, то первой упаду не я.

Глава 11

«Есть вещи, которые не должны касаться друг друга.
Пока кто-то не решает, что может.»

Я проснулась от холода. Не от обычного ночного — а от такого, будто окно открыли настежь зимой. Простыни были ледяными, дыхание сразу стало видимым. Я села и увидела, что в комнате темно не так, как должно быть.

Тени не лежали. Они стояли. У стены. У шкафа. В углу у двери. И одна — у кровати.

Я не закричала. Не потому что была смелой — просто поняла: если открою рот, это будет уже не мой голос.

— Ты не должна быть здесь, — сказала я.

Слова дались тяжело, будто их выталкивали из груди.

Тень у кровати наклонилась. И стала Леей. Не отражением. Не силуэтом. Настоящей. Слишком настоящей. Я видела, как свет лампы за окном скользит по её волосам, как ткань её платья слегка мнётся на колене.

— Я не здесь, — ответила она спокойно. — Я рядом.

Боль в ноге вспыхнула и тут же исчезла. Вместо неё — пустота. Как после ампутации, когда ещё болит то, чего уже нет.

— Ты не имеешь права, — прошептала я. — Ты сказала... ты всегда говорила, что не можешь.

Лея посмотрела на мои руки.

— Я не могу обычно.

Она протянула ладонь — и положила её мне на грудь.

Мир дёрнулся.

Комната сложилась, как неправильно закрытая книга.

Стены ушли вглубь, потолок стал ниже. Я чувствовала, как воздух давит на плечи, как сердце сбивается, теряя ритм.

— Ты умираешь, — сказала Лея буднично. — Не сейчас.

Но скоро. Тело не рассчитано на такой обмен.

— Тогда отпусти, — выдохнула я.

— Не могу.

Это было впервые.

Она подняла на меня глаза — и в них было не пусто. В них был страх.

— Если я отпущу, всё, что ты уже видела, случится сразу.

Без цены. Без баланса.

Она убрала руку — и боль вернулась. Сильнее. Глубже.

Так, что я вскрикнула, наконец-то своим голосом.

В этот момент за дверью раздались шаги.

Мамины.

Лея резко отступила. Тени дрогнули, будто их ударили ветром.

— Запомни, — сказала она быстро. — Теперь я могу касаться. Но каждое касание ломает правило. И следующее будет стоить дороже.

— Кому? — спросила я.

Лея улыбнулась — той самой улыбкой, которой не улыбаются люди.

— Нам обеим.

Она исчезла.

Комната стала обычной. Холод ушёл. Боль осталась.

Дверь открылась, мама вбежала, включила свет.

— Ты кричала... — она замерла. — У тебя кровь.

Я посмотрела вниз.

На груди, там, где касалась Лея, проступал синяк. Чёткий. В форме ладони. Слишком большой, чтобы быть человеческим.

Я закрыла глаза.

Правило больше не защищало меня.

И самое страшное —

я поняла, что теперь она сможет спасти меня.

Если захочет.

Я поняла, что с Лейей что-то не так, не сразу.

Сначала она просто перестала появляться там, где появлялась всегда: в отражениях, в тени от шкафов, в стекле автобуса. Дни шли, а рисунки оставались пустыми. Бумага больше не подсказывала. Карандаш ломался, будто не хотел продолжать.

А потом я увидела её. Это случилось днём. Я мыла руки в ванной, и вода текла слишком громко, будто пыталась заглушить что-то ещё. Я подняла глаза — и она была в зеркале, стояла позади меня. Но не отражением. Она не повторяла

моих движений.

Лея стояла, опираясь на край раковины, будто ей было тяжело держаться прямо. Плечи были опущены, волосы — влажные, прилипшие к лицу, как после дождя или болезни.

— Ты не должна приходить так, — сказала я. — Не здесь.

— Я не пришла, — ответила она. — Я осталась.

Я обернулась. За моей спиной никого не было. Когда снова посмотрела в зеркало, Лея медленно подняла руку. И я увидела. Её пальцы были... не совсем пальцами. Они будто начинались правильно, но заканчивались размыто, словно кто-то стёр границу между кожей и воздухом. Линии дрожали, пульсировали, иногда исчезали вовсе.

— Что с тобой? — спросила я.

Лея улыбнулась, но улыбка не удержалась. Она распалась.

— Так выглядит правило, когда его ломают, — сказала она. — Оно не бьёт. Оно стирает.

Я заметила, что в зеркале она отражается не полностью. Нижняя часть тела пропадала, будто зеркало не могло решить, есть она или нет.

— Это из-за меня, — прошептала я.

— Не совсем, — Лея посмотрела прямо мне в глаза. — Из-за выбора. Ты выбрала остаться. Я — вмешаться.

Вода в раковине вдруг пошла ржавой. Я резко закрыла кран, но звук остался — кап-кап-кап — хотя капель уже не было.

— Ты... исчезаешь? — спросила я.

Лея покачала головой.

— Нет. Я закрепляюсь.

Это было хуже.

— Если я останусь такой, — продолжила она, — я больше не смогу возвращаться туда, где была раньше. Не смогу видеть всё. Только тебя. Только то, что рядом.

— Тогда не делай этого больше, — сказала я. — Не трогай меня. Не помогай.

Лея рассмеялась — коротко, почти болезненно.

— Ты всё ещё думаешь, что помощь — это подарок.

Она шагнула ближе к зеркалу, и по стеклу пошла тонкая трещина, прямо от её лба вниз, как линия судьбы, которую кто-то нарисовал слишком сильно.

— Следующее вмешательство, — сказала она, — оставит след уже не на мне.

Её лицо стало расплываться, словно зеркало запотело изнутри.

— Когда ты увидишь меня такой снова, — её голос стал тише, — это будет значить, что ты готова заплатить.

— Чем? — спросила я.

Лея исчезла, не ответив.

А на моих руках — там, где не было ни синяков, ни ран — остались белые полосы. Тонкие, как следы от стирания. Будто кто-то уже начал проверять, что из меня можно убрать без вреда.

Я поняла: Лея нарушила правило не ради меня.

Она нарушила его, потому что я стала частью её мира.

И теперь выход был только один — узнать, что именно она теряет, когда остаётся рядом со мной.

Я не звала Лею вслух.

Я просто сделала то, что раньше никогда не делала.

Я убрала все зеркала.

Завесила шкаф, перевернула рамки с фотографиями, накрыла тёмной тканью экран телефона. Комната стала глухой, будто из неё вынули возможность отражаться. И тогда я села на пол и начала рисовать. Не то, что видела. Не то, что приходило само. А то, что хотела увидеть.

Я рисовала дорогу. Не ту, по которой уехали автобусы — другую. Узкую, уходящую вглубь леса, с поворотом, который никто не замечал. Я рисовала место, где воздух становился гуще, где деревья стояли слишком ровно, будто их кто-то расставил.

Рука дрожала, но линии ложились правильно.

Когда я закончила, в комнате стало холодно.

— Ты понимаешь, что делаешь, — сказала Лея.

Она сидела напротив меня. Не в зеркале. Просто — в комнате. Это было новым. И неправильным.

Её лицо выглядело хуже, чем в прошлый раз. Черты словно теряли чёткость, как старый рисунок, который слишком часто стирали. На шее тянулась тень — не от света, а изнутри.

— Я знаю цену, — сказала я.

— Назови, — попросила она.

Я вдохнула. Воздух обжёг лёгкие.

— Возьми у меня то, что мешает тебе остаться, — сказала

я. — Но не память. Не голос. И не руки.

Лея долго смотрела на меня.

— Ты торгуешься, — сказала она наконец.

— Я выбираю, — ответила я.

Она встала. Когда она двигалась, пол под ней не скрипел

— будто она не весила ничего.

— Тогда смотри, — сказала Лея.

Она коснулась моего лба.

Это не было больно. Сначала.

Я почувствовала, как внутри что-то сдвинулось. Не сломалось — именно сдвинулось, как мебель, которую передвинули на пару сантиметров, и теперь всё в комнате кажется неправильным.

Перед глазами поплыли образы.

Я увидела лагерь. Увидела автобусы — не стоящие, а ждущие. Увидела место, где дорога раздваивалась, и одна из них была всегда пустой.

— Ты больше не будешь чувствовать время так, как раньше, — сказала Лея. — Для тебя оно станет... слоем. Ты будешь путаться. Опаздывать. Приходить слишком рано.

— Это всё? — спросила я.

Лея покачала головой.

— Нет. Это то, что ты разрешила.

Её пальцы на мгновение сжались сильнее, и я вскрикнула. Когда она убрала руку, я поняла: в комнате стало... тише. Не звуково — внутри.

Что-то во мне перестало откликаться.

— Что ты взяла? — спросила я.

Лея посмотрела на меня так, будто ей было жаль.

— Спонтанность, — сказала она. — Ты больше не будешь делать ничего случайно.

Она наклонилась ближе.

— Зато теперь ты сможешь идти туда, куда другие не доходят.

Я посмотрела на рисунок. На нём появилась деталь, которой я не рисовала: маленькая фигура, стоящая у поворота дороги. Она была похожа на меня.

— Это вмешательство будет держаться недолго, — сказала Лея. — И в следующий раз ты уже не сможешь выбирать.

Она начала исчезать, но на этот раз — не полностью. В воздухе остался след, будто кто-то провёл ластиком слишком резко. Я осталась одна. И только тогда поняла: я чувствую не будущее. Я чувствую приближение. Я заметила это утром. Не сразу. Сначала — как странность, которую можно списать на усталость.

Я встала с кровати и... не поняла, куда делась секунда. Одна. Короткая. Как будто я моргнула, но глаза не закрывались. Нога подогнулась. Я схватилась за край стола, и в пальцах вспыхнула боль — резкая, но запоздалая, будто она при-

шла не в своё время. В зеркале — единственном, которое я оставила — моё отражение смотрело на меня слишком внимательно. Я подняла руку. Отражение — нет. Между движением и повтором была пауза. Крошечная. Но достаточная, чтобы внутри что-то похолодело.

— Это из-за тебя, — прошептала я, не зная, к кому обращаюсь.

Ответа не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.